

ДРАМА ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ

На заре постсоветской эпохи в одной из радиопередач прозвучали примечательные слова, сказанные анонимной советской старушкой: «Не могли подождать, пока мы умрем». По-человечески ее можно понять. Эта женщина прожила долгую и, наверное, не самую легкую жизнь. Война и страшные послевоенные годы остались в прошлом, минули голодные и не слишком обустроенные 50–60-е. Жизнь как-то наладилась. Есть квартира в пятиэтажке и участок в шесть соток за городом. Дочка вышла замуж, бабушка нянчит внуков. Живут тесновато и скромно, но эта жизнь представляется устойчивой и надежной.

И вот по непостижимым причинам мир человеческой реальности — реальности единственно освоенной, привычной и абсолютно безальтернативной — затрещал по швам. Начались непонятные перемены, которые за пять лет привели к полному обвалу. Все то, что знала и во что верила эта старушка, рухнуло. Привычные стереотипы восприятия, установки, модели поведения утратили смысл, и как жить в этом новом мире, совершенно непонятно. А кроме того — невыразимо страшно. Насколько можно понять из приведенного высказывания, бабушка полагала, что во всем виноваты молодые и энергичные горожане: «больно грамотные», которым захотелось какой-то другой жизни. Их она и имела в виду.

Бабушке можно было бы сказать, что в переломные эпохи история не принимает в расчет чаяния и устремления уходящих социальных сил. Они оказываются очередной жертвой исторического процесса, и только. Но это звучит слишком абстрактно и, очевидно, лежит за гранью восприятия простого человека. Можно было бы указать на то, что помимо старших поколений, сложившихся в середине XX века, в позднем СССР живут десятки миллионов молодых, ориентированных на совершенно иные ценности, для которых советская действительность — обрыдлое и убогое прозябание. Напомнить, что молодые никогда не были склонны жертвовать собой ради психологического комфорта стариков. Наконец, можно было бы указать на то, что следующее за бабушкой поколение однажды может повторить ее сентенцию. И если следовать этой логике, то долгожданные перемены никогда не наступят.

Игорь Григорьевич Яковенко родился в Винницкой области Украинской ССР. Окончил Московский лесотехнический институт (1969) и аспирантуру Института философии АН СССР (1982). Российский культуролог и философ. Доктор философских наук, член бюро научного совета РАН «История мировой культуры». Профессор РГГУ. Автор 260 публикаций, в том числе одиннадцати монографий, среди которых книга «Российское государство. Национальные интересы, границы, перспективы» (2008). «Познание России: цивилизационный анализ» (2012) и «Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное изменение» (2014). Соавтор книги «История России: конец или новое начало?» (2005). Лауреат премии журнала «Нева». Живет в Москве.

Но что ей до всех и всяческих аргументов. Человеческая трагедия не избегается рациональными суждениями. Ее лечит время, механизмы психологической адаптации. Незаметно разворачиваются процессы включения в новую реальность. Срабатывает проверенная народная мудрость: «Стерпится — слюбится». Новое становится привычным и узнаваемым. В нем обнаруживаются положительные стороны. Апокалиптические страхи не оправдываются и отходят на второй план. Память о прошлом и ушедшем как-то тускнеет, отходит в тень, заслоняясь новыми радостями и тревогами. Впрочем, такая эволюция дана не всем. Есть люди, которые так и не могут примириться с революционными преобразованиями. Судьба этих людей печальна. Они доживают свой век, храня экзистенциальную связь с ушедшей эпохой и отгораживая от себя окружающий мир.

Старшее поколение читателей помнит культовый роман 50–60-х годов прошлого века «Золотой теленок». В нем фигурирует персонаж — монархист Хворобьев. Хворобьев жил отшельником и ненавидел советскую власть. События, описанные в романе, охватывают реальность начала 30-х. Объективно переживший свою эпоху Хворобьев — фигура трагическая, при том, что Ильф и Петров делают его сатирическим персонажем. Таковы этические нормы победившей парадигмы. Отторгнутое подлежит осмеянию и профанации. На протяжении последних тридцати лет персонажи, типологически тождественные Хворобьеву, группируются вокруг газет «Завтра» и «Советская Россия», голосуют за КПРФ и ЛДПР, ходят на соответствующие митинги. Каждый качественный скачок порождает «бывших людей». Они являют собой зримое выражение трагедии истории.

Проблема, которая стоит за приведенным нами высказыванием, состоит в следующем: Как поколение бабушки, экзистенциально связанное с классическим советским прошлым, так и последующие поколения позднесоветских горожан, годами мечтавших о конце социалистического эксперимента, были порождены историческим процессом и в этом отношении объективно заданны и необходимы. Их конфликт неизбежен.

История — процесс качественного изменения социокультурного универсума. То есть — всей целостности самопроявлений человека в социальном, культурном, экономическом, антропологическом и других срезах обозначенного универсума. Далее, реальным субъектом истории выступает человечество как целое. В этом целом можно выделить более или менее устойчивые объекты — континенты, страны, цивилизации, отдельные народы, — а затем рассматривать историю названных сущностей. Но при всей привычности подобной процедуры такое выделение в достаточной степени условно. Историческая мифология навязывает массовому человеку видение истории «своего» народа как процесса, заданного имманентными законами саморазвития «нашей» целостности. Это — иллюзия, диктуемая врожденной (усвоенной с молоком матери) культурой и оформленная идеологами. Разумеется, большие общности — народы, государства, цивилизации — развиваются в соответствии с внутренне присущими закономерностями. Однако само возникновение этих объектов, их базовые параметры, время существования, обстоятельства схождения с исторической арены заданы всемирно-историческим процессом. Большие общности постоянно испытывают на себе воздействие соседей, воздействуют на них сами, находятся в непрестанной диалектике с ближним и дальним окружением. Воюют, торгуют, конкурируют за ресурсы. Внешний, по отношению к выделенному объекту, контекст формирует исторические вызовы, заставляет самоизменяться, рождает огромные, часто неразрешимые проблемы. Наконец, внешний контекст сплошь и рядом оказывается силой, разрушающей большие общности, исчерпавшие возможности дальнейшего развития.

И патриархальная советская старушка, и позднесоветский интеллигент рождались в рамках эволюции советского общества. Однако как их возникновение, так и смена этих поколений заданы не столько имманентной природой, сколько обстоятельствами всемирно-историческими, логикой модернизации России и активной борьбы за мировое господство, развернутой Советским правительством. Разумеется, крах социалистического эксперимента задан далеко не только данными обстоятельствами. Эти вещи осмыслены и хорошо описаны в последние десятилетия. Причем природа-детерминант имеет всемирно-исторический характер.

В данном аспекте трагедия истории состоит в том, что процессы качественного изменения универсума реализуются в двух формах. Первая — сравнительно приемлемое для массового человека постоянное изменение реалий окружающего его мира. Речь идет о качественных изменениях: новых промышленных технологиях, изменениях предметного пространства, образа жизни, информационной среды. И о связанных с этими инновациями трансформациях сознания и культуры: новые песни, новые ритмы, одежда, модели коммуникации, праздники и будни...

Я не смогу поведать своему сыну, что это такое — вафельные трубочки с заварным кремом, которыми торговали в моем детстве около метро. Как не смогу передать вкус настоящих бубликов, вымерших в середине 70-х годов прошлого века. И уж заведомо не смогу передать кому бы то ни было переживание чуда под названием «паровоз». Ни один фильм, ни самая талантливая проза не в состоянии выразить феномен паровоза. Это черное живое существо громко и глубоко дышало, выпуская клубы пара, дымило и протяжно гудело голосом раненого динозавра. Убаюкивающий и вводящий в транс ритм дыхания-движения паровоза, низкочастотная вибрация, распространявшаяся вокруг локомотива, тепло, исходившее от исполинского чрева, — все это надо почувствовать и пережить. Помню, в начале 80-х, в командировке, в городе Тольятти, я встретил паровоз, работавший на сортировочной станции, и стоял как зачарованный час или два, понимая, что, скорее всего, вижу эту радость последний раз в жизни. Пришедшие на смену паровозу тепло- и электровозы для меня — бездушные железки; функциональные и не рождающие никаких эмоций. Наверняка нечто похожее переживает человек, родившийся в деревне и помнящий, как в детстве мать вынимала из большой русской печи свежеспеченный хлеб. На смену этому хлебу — живому, незабываемому, хранящему смыслы хтонического переживания стихии огня и восходящие к неолиту переживания чудесного ритуала пресуществления воды и муки в несказанно вкусную «черняшку» — пришли вначале казенные буханки в сельпо, а потом — батоны в магазинах рядом с заводским общежитием. Универсум человеческой реальности меняется по частям; медленно, как бы незаметно, но неумолимо. Так что однажды зрелый человек осознает, что мир его детства существует только в его памяти и он не в состоянии передать этот мир своим внукам. По существу, это — одна из граней универсальной трагедии бытия. Она принята и освоена как неустранимое свойство жизни.

Но рядом с описанным есть и другая форма реализации процессов качественного изменения целого. Она не носит постоянного, «тлеющего» характера, а реализуется итерациями. Чаще всего это полноценные катастрофы: умирают боги, сникают конфессии и идеологии, рушатся царства, куда-то, сквозь пальцы расползаются и исчезают целые народы, распадаются государства. Базовые рамки человеческого бытия, структурирующие жизнь среднего человека, представлявшиеся вечными и неизменными, как небо над головой и земля под ногами, однажды неожиданно и неотвратно исчезают. Эта оглушительная форма выражения истории являет собою полноценную, масштабную трагедию, падающую на головы широких масс, которым выпало пережить крах мира своего детства, юности и зрелости.

За последние двести лет люди с грехом пополам научились жить в permanently изменяющемся мире. Однако массовый человек взыскует вечности и неизменности базовых параметров бытия. Ему важно жить, осознавая, что его народ, его страна, тот порядок вещей, который был дан от рождения, стояли, стоят и будут стоять, несмотря на все частные перемены и испытания, выпадающие каждому поколению.

Все это — чистой воды иллюзия. Ни государство, ни национальная идентичность, ни социально-политическая система не даны человеку как вечные и неизменные. Они существуют постольку, поскольку успешно воспроизводятся изо дня в день и из года в год. И существуют до тех пор, пока это соответствует логике всемирно-исторического процесса. С данной точки зрения история человечества являет собой необозримый мартиролог народов, государств и цивилизаций, исчезавших по всему земному шару в течение последних пяти тысяч лет.

Любопытно, что гибель «своего» мира оказывается шокирующей неожиданностью не только для традиционного человека, слабо затронутого светом знания, но и для интеллектуала, ценностно связанного с уходящей реальностью. Знание о судьбах Вавилона и Карфагена, Константинополя и Теночтитлана не проецируются на данный от рождения универсум. История культуры сохранила множество записок и мемуаров современников больших исторических катастроф. Всякий раз падение очередного Карфагена переживается носителями идентичности не как важное, но тривиальное событие — гибели одной из сложнообозримого множества культур, возникавших в ходе истории человечества, но как крах Вселенной. «Наш» мир — мир по преимуществу. Рим и Теночтитланы — древние, давно исчезнувшие государства. Их гибель закономерна и в некотором смысле необходима, ибо она готовила подъем нашего народа и созданной им цивилизации. Наша реальность совсем иная. Она сакральна и вечна по онтологическим основаниям.

В греческой истории сохранилось два предания, иллюстрирующих работу традиционного сознания, разрешающего противоречие между мифологической схематикой и исторической реальностью. Согласно первому, в храме Святой Софии шла служба, когда распахнулись двери и ворвались турецкие воины. В последний момент священнослужители со священными сосудами в руках направились к южной стене храма. Стена расступилась и сомкнулась за ними. Иногда из толщи стены доносится глухое бормотание: это продолжается прерванная врагами служба. В тот день, когда Святая София будет возвращена христианам, стены расступятся, священнослужители выйдут из нее и продолжат службу, начатую несколько сот лет назад.

Другая легенда повествует о старике, жарившем на берегу моря пойманную рыбу. Когда старику сказали, что Константинополь взят турками, он ответил: «Скорее эта рыба вернется обратно в море, чем падет Константинополь». Как только он произнес эти слова, одна из рыб прыгнула со сковородки и упорхнула в воды Мраморного моря. По сей день в море плавает прожаренная с одной стороны рыба. В тот день, когда Константинополь будет освобожден от турецкого владычества, эта рыба выскочит из воды и прыгнет на сковородку.

Гибель Ромейской империи — невозможное событие, нарушение космических законов бытия. За этим стоят грехи православных и неисповедимая воля Создателя. Причем это чрезвычайное событие, безусловно, носит временный характер. Завершение испытания, посланного православному народу, будет означать восстановление извечного порядка вещей. Нормальное течение событий восстановится буквально с той точки, в которой было прервано османским завоеванием.

В данном случае мы сталкиваемся с психологической инерцией и специфической ценностной аберрацией. Конфессия/идеология, государство, цивилизация — разные грани того, что люди воспринимают как «свой мир». Одно дело осваивать новое, опи-

раясь на устойчивые рамки «своего мира», и совершенно иное попасть в новый мир, параметры которого неизвестны. Такая ситуация проблематизирует все, что составляет культурный актив среднего человека. Отсюда высокий уровень неопределенности и максимальный стресс.

Есть люди культурно-психологически приспособленные к существованию в изменяющейся реальности. Их не так много. С годами пластичность психики падает. Чем старше человек, тем сложнее адаптироваться к новому.

Не менее важна ценностная аберрация. Наш мир — единственно возможный, мир по преимуществу. За его границами — хлябь внешняя, в которой царят хаос и ужас жизни несчастных, живущих в окружении оборотней. «Там» все плохо и неестественно, неправильно. Крах нашего мира есть гибель Вселенной. Пережившего свой мир носителя рухнувших идеологических установок терзают страхи, омерзение, чувство одиночества, утрата осмысленности жизни. Любые успехи, любые блага будут отвергаться, ибо отрицают тот светлый и ушедший мир. Ценностная связь исключительно важна. Индоктринированные советские люди и антикоммунисты переживали конец советской эпохи совершенно по-разному.

Существует и третья позиция — позиция обывателя, который адаптируется к любой власти и любым обстоятельствам. Мы имеем в виду традиционного человека, живущего в горизонте родового сознания. Надо кормить близких, одеть, обуть их. Для этого необходимо выполнять те правила игры, которые доминируют сегодня. Эти люди по большому счету индифферентны к базовым параметрам окружающего мира. Они усваивают правила игры и сравнительно легко переходят к другим правилам, а по-настоящему озабочены биологическим выживанием. Здесь трагедия истории минимизируется.

Качественный аспект изменений

Вспомним примечательный документ «Плач Ипувера» (он же — «Речение Ипувера») — древнеегипетское литературное произведение, повествующее о голоде, бедствиях и вторжениях иноземцев. Мнения специалистов о датировке произведения разнятся от Среднего царства (XI—XII династии) до времени, предшествовавшему гиксоскому завоеванию. Ипувер описывает универсальную ситуацию заката и деградации некоторого общества. В свете этого проблема датировки отходит на второй план.

Бедствия можно свести к следующему: нарушение сложившейся общественной иерархии; обнищание богатых и обогащение бедных; общий беспорядок, который проистекает от пренебрежения законом и проявляется в разбое, грабежах и убийствах; сокращение численности населения; разрушение хозяйства и связанный с этим голод; засилье чужезмцев; забвение религиозных ритуалов (в первую очередь связанных с культом мертвых).

Итак, Ипувер пишет о циклических напастях, постигавших древние царства. Понимать общеисторические причины происходящего народы той эпохи были не в состоянии. Объяснения сводятся к забвению богов и слабости фараонов, то есть — отходу от вечных норм и правил. На самом же деле циклические напасти крайне болезненны, но не смертельны. Подлинно смертельны катастрофы, *несущие качественные изменения*. Прежде всего, они, как правило, необратимы. И, кроме того, качественные катастрофы *разрушают* и дезактуализуют *устойчивые пакеты социальных ролей*.

Этот сюжет заслуживает более подробного рассмотрения. Ассириолог В. Белявский рисует очень выразительную картину предсмертного величия Ассирии: «Ашшурбанипал, повелитель самой могущественной империи своего времени, был весьма раз-

носторонним человеком... Его столицу Ниневию называли логовом львов. У ее восточных ворот „Вход толп народов“ в клетках на собачьей цепи сидели цари, плененные Ашшурбанипалом, и толкли в ступах вырытые из могил кости своих предков»¹.

Другая не менее выразительная картина связана с судьбою римского императора Валериана I, взятого в плен царем Персии Шапуром I Сасанидом в 260 году в битве при Эдессе. Пленение римского императора — явление уникальное. Судьба попавшего в плен императора также поражает. Шапур I использовал его спину как скамейку, когда садился на лошадь. Сцены триумфа над римлянами и победы над Валерианом запечатлены в скальных рельефах в Накше-Рустам и Накше-Раджаб около Персеполя. После длительного унижения таким способом римский император умер.

Прежде всего, описанные истории вызывают острое отторжение. Варварское, чисто азиатское понимание торжества над поверженным противником неприемлемо для нормального европейского сознания. Но у этих коллизий есть и другие аспекты. Метаморфозы царей, плененных Ашшурбанипалом, а также Валериана I ставят вопросы: что заставило этих людей выполнять те роли, которые предписали им победители? Почему это в принципе было возможно? Откуда покорность судьбе, что давало несчастным силы жить в новом качестве? В отличие от многих солдатских императоров, Валериан происходил из знатного рода. К моменту попадания в плен он был человеком зрелых лет. В Греции и Риме существовала устойчивая традиции самоубийства в безвыходной ситуации.

Развернутого ответа на наши вопросы не существует. Можно высказать одно соображение относительно социальных ролей. Дело в том, что человек усваивает и наследует не роли, а сценарии. Так, каждый из нас в детстве усваивает сценарий отношений взрослый — ребенок. А когда вырастает и обзаводится детьми, обнаруживает, что его поведение задается ролевыми характеристиками поведения его родителей. Этому можно противостоять и пытаться корректировать, что, однако, непросто. В общем же случае массовый человек реализует знакомый сценарий в той позиции, в которую сегодня поставила его судьба.

В свете этих соображений богач, подающий милостыню или проходящий мимо несчастного, несет в себе нищего; и, если с ним случится такая метаморфоза, быстро освоится с новой ролью. Следователи и другие чины НКВД без труда входили в роль подследственного и грамотно проходили свой путь к стенке. Технологических проблем не возникало.

Совершенно иная ситуация возникает в эпоху *качественных* преобразований. Если ролевые перемещения рождают возмущение и страдания, то качественные изменения ставят человека перед неразрешимыми проблемами. Ибо он не только не хочет, но не умеет, не способен, находясь в зрелом возрасте, осваивать новые роли. Здесь остается спиваться, деградировать, искать для себя нишу в криминальном пространстве. Все это — полноценные трагедии, порождаемые историческим процессом.

Отметим, что качественные преобразования осознаны как существенный момент всемирно-исторического процесса сравнительно недавно. Мыслителям прошлого история представлялась как процесс возвышения, расцвета, увядания и гибели одних народов и созданных ими государств и возвышения на их месте других народов. Момент качественного преобразования мира не схватывался не только обыденным, но и теоретическим сознанием.

Этому есть любопытное подтверждение в истории живописи. Когда художники эпохи Возрождения писали картины на новозаветные сюжеты, они одевали библейских персонажей в современные им одежды. Идеи о том, что полторы тысячи лет назад многое, в том числе и одежда, выглядело по-другому, не приходила в голову.

¹ Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 79.

Дело в том, что темп всемирно-исторического развития, понимаемого как процесс качественных преобразований, последовательно и неумолимо нарастает. Хронологический список важнейших инноваций показывает неумолимое уменьшение промежутков между важнейшими технологическими нововведениями, преобразующими всю социально-культурную реальность. Достаточно долго человек рождался, проживал свою жизнь и умирал в качественно однородной реальности. Изменения, которые можно увидеть в течение одной жизни, стали накапливаться в последние 2–3 века.

По оценкам специалистов, каменный век начинается около трех миллионов лет назад, когда первые гоминиды, живущие в Африке, догадались использовать каменные инструменты для решения бытовых задач. Внутри этого периода происходило развитие. Каменные инструменты совершенствовались, технологии обработки камня оттачивались. Но это было развитие в рамках одного качества.

Однако неолит, или каменный век, завершается в IV–III тысячелетиях до н. э., а на смену ему приходит энеолит, или медный век. Переход, связанный с освоением металлов, был подлинной революцией. Вначале люди используют самородную медь, а затем научились выплавлять медь из руды. Освоение металлов стало базовой предпосылкой разворачивания неолитической революции, то есть — перехода от охоты и собирательства к производящему хозяйству, которая завершается возникновением государства и цивилизации.

С возникновением государства начинается собственно история человечества. До 1917 года историки различали историю и предысторию. В советское время на место предыстории пришла «история первобытного общества». Мне дореволюционное терминологическое различие представляется более удачным, но это — частности. Важно другое: с разворачиванием истории открывается растянувшийся на тысячелетия драматический процесс диалога/противостояния цивилизации и варварства. Вначале (первые тысячелетия) государство борется с догосударственной периферией в смертельной схватке. Последние две тысячи лет цивилизация, очевидно, одолевает догосударственную периферию, последовательно разлагает ее, ассимилирует и расширяет свою территорию. Буквально в последние двести лет исчезают оставшиеся заказники догосударственного существования человека.

В III тысячелетии до н. э. начинается бронзовый век. Бронза гораздо прочнее меди. Она позволяет делать как орудия труда, так и оружие. Ранний бронзовый век характеризуется урбанизацией и появлением городов-государств, а также письменности. Разворачиваются те процессы, о которых говорится в предыдущем абзаце.

Поздний бронзовый век (1600–1200 до н. э.) на Востоке характеризуется расцветом мощных государств этого региона и их вассалов (Древний Египет, Ассирия, Вавилония, хетты, митаннийцы). Разворачивается острая конкуренция лидеров. Государство и цивилизация последовательно закрепляются и отвоевывают территории у догосударственного мира.

Бронзовый век на Ближнем Востоке завершается так называемым «бронзовым коллапсом». Под этим термином историки понимают переход от бронзового века к железному на Ближнем Востоке и Восточном Средиземноморье. Вот как характеризует эту эпоху Википедия: «В этом регионе смена эпох была связана с катастрофическими изменениями в общественном укладе, утратой многих производственных и культурных традиций, в том числе письменности, разрушением всех крупных государств и многих городов того времени. На большой территории наступает период „темных веков“»².

² Катастрофа бронзового века. Словарная статья. Википедия. ru.wikipedia.org Катастрофа бронзового века.

На фоне больших и судьбоносных инноваций происходили более частные нововведения, которые также меняли историческую реальность. Древние греки изобрели «фалангу». Фаланга — боевой порядок пехоты, представляющий собой плотное построение воинов в несколько шеренг. Фаланга требовала от воина способности держать строй под напором противника и перестраиваться по команде. Иными словами, предполагала новое качество военного искусства и новые требования к воинам. Фаланга обеспечивала качественные преимущества греков, а также римлян, которые восприняли достижения греческой военной мысли и развивали ее вплоть до эпохи упадка империи, когда римская армия становилась в значительной степени варварской. И эпоха эллинизма, и Римская империя были бы невозможны без тех преимуществ, которые сформировала греко-римская античность. Новый уровень военного искусства и армия нового типа входят в эту целостность. Заметим, армии всего мира по сей день осваивают ходьбу строем и демонстрируют ее в парадных шествиях.

На смену бронзовому приходит железный век. Приблизительно с VII века до н. э. первобытные племена осваивают самостоятельную выплавку железа. Железная руда встречается значительно чаще медных и оловянных руд. Железо буквально преобразует окружающий мир. Появляется железный лемех, пригодный для распашки тяжелых лесных почв, и обитатели лесной зоны переходят к земледелию. Внедрение железа способствовало улучшению ирригационных систем: происходило совершенствование оросительных сооружений, улучшались водоподъемные сооружения (в частности, в середине I тысячелетия до н. э. стало использоваться водоподъемное колесо). Это привело к повышению продуктивности полей. Значительно ускорилось развитие различных ремесел. Начали интенсивно развиваться мореплавание, строительство зданий и создание дорог, а также улучшалась военная техника. Развивалась и торговля, а в середине I тысячелетия до н. э. в ходу появились металлические монеты. Иными словами, внедрение железа стало революцией.

В XIV веке нашей эры в Европе появляется огнестрельное оружие, которое полностью изменило подход к ведению боя. Эта инновация породила массу социальных, культурных и политических изменений. Огнестрельное оружие похоронило рыцарей, сделало ненужными классические средневековые замки³. Формирование централизованных государств и абсолютизм в Европе (XVII—XVIII века) связан не только с Реформацией и Контрреформацией, но и с новой реальностью, заданной огнестрельным оружием. Огнестрел продвигал Европу к Новому времени.

Помянем хотя бы одной фразой изобретение книгопечатания (Иоганн Гутенберг, XV век), которое сыграло ведущую роль в революционном развитии культуры в начале Европы, а затем и всего мира и стало существенным фактором разворачивания Реформации.

Наконец в конце XVIII века изобретена паровая машина двойного действия. Если до паровой машины человечество использовало энергию ветра или воды в мельницах, то с изобретением паровой машины человек получил неизмеримо более мощный и не зависящий от погодных условий источник энергии. Из этого выросла промышленная революция. Паровая машина запустила разворачивание машинной эры. Не только промышленность, но и сельское хозяйство заполняются массой станков и механизмов, позволяющих делать больше и лучшего качества. С этого момента технологические изменения рождаются в ускоряющемся темпе и постоянно преобразуют человеческую реальность. К середине XIX века в промышленно развитых странах складывается ситуация, в которой входящего в мир человека окружает одна технологическая

³ Римские папы запрещали христианам пользоваться арбалетом, «ненавистным богу и неподобающим христианину» (впрочем, безуспешно) однако запретить огнестрельное оружие церковь не смогла.

и предметная реальность, а мир, окружающий его на склоне лет, отличается массой больших и малых реалий: предметов, технологий, практик.

Таким образом, качественная сторона исторического процесса стала доминирующей. И если ранее средний человек мог не осознавать качественные перемены как главное содержание истории, то сегодня это становится очевидным для подавляющего большинства землян.

Эпохи революционных преобразований

Как было сказано выше, качественные изменения могут происходить в двух режимах — малыми приращениями, накапливаясь постепенно, и в ходе больших революционных скачков, когда жизнь изменяется сразу и радикальным образом.

Первый из этих режимов может восприниматься как тягостное изменение привычного бытия. При всей дискомфортности малых приращений, они терпимы. Иногда новое приносит удобства и блага, которые позволяют «подняться» наиболее динамичным. Революционные скачки всегда драматичны. Всегда отрицают устойчивый, казавшийся вечным мир и продвигают невиданные и непостижимые (душегубительные, дьявольские, пошлые и недостойные приличного человека) перемены. Именно так переживаются события эпохи революционных преобразований. Мы имеем в виду как политические и технологические, так и культурные революции. Чаще всего эти процессы накладываются друг на друга и сваливаются на голову маленького человека.

Отметим, что, как правило, традиционное общество противостоит переменам, минимизирует их, все время пытается выхолостить исторический и культурный потенциал нововведений и откатить назад. Поэтому однажды запускается процесс революционного преобразования застойной реальности. Тут и разворачивается трагедия исторического бытия.

Дело в том, что значительная часть традиционных обществ, переживающих революционное включение в эпоху напряженных перемен, состоит из людей в принципе неспособных к радикальным переменам. Их антропологические характеристики, актуальная культура, ментальность блокируют возможность включиться в новый мир. Так мы сталкиваемся с *общеисторической закономерностью, табуированной к названию и осмыслению: люди, которые не способны освоить модели поведения и образ жизни, утверждающийся в ходе исторической трансформации, обречены на вымирание.*

Так люди, которые не склонны мигрировать вслед за капиталом, осваивать новые профессии, включаться в новые социальные роли в мире рыночной экономики, по выходе из традиционного общества обречены вымирать. Это жесткое суждение, однако такова реальность. Такова логика исторического процесса, на которую мы склонны закрывать глаза. Только *вымирание* в состоянии *обеспечить прерывание исторической преемственности тупикового опыта.* Речь идет о *выведении из бытия остро неадекватных конфигураций личностных характеристик и культурного сознания.*

Далее, и это очень важно, в реальности деградируют и вымирают далеко не все. В описываемой нами ситуации происходит флотация, или разделение фракций по параметру способности к модернизационному самоизменению. Все те, кто располагает экзистенциальным потенциалом самоизменения, уезжают в большие города, меняют профессию, приспособляются к новой жизни, спасают от безнадежного прозябания себя и своих близких. Те же, кто не готов и не способен меняться, — спиваются, гибнут, убивая друг друга в бессмысленных пьяных драках, вешаются, замерзают «по

пьяному делу» в неотопливаемых помещениях. Это нормально. Нормально в том смысле, в каком нормальна и неустраима трагедия бытия⁴.

Понятно, что эти теоретические построения скандальным образом разрушают прогрессистскую мифологию. В эпохи качественных переходов история ставит человека перед выбором: верности привычным мифам или верности императиву выживания. Мифы исконны (реально они далеко не исконны, но актуальный миф переживается как вечная, несотворимая и неуничтожимая сущность)⁵, сакральны и переживаются как неотъемлемые основания личности. Пересмотр базовых оснований мировоззрения — исключительно болезненный процесс, на который способны далеко не все.

Одно из базовых положений советской мифологии состояло в том, что «народы творят свою историю». А поскольку в советском идеологическом словаре «народы» — сущность позитивная, это утверждение несло в себе как демократические, так и оптимистические смыслы. Всякий миф наряду с элементами истины содержит заблуждения и фантастические трактовки. В некотором смысле народы действительно творят свою историю. Они принимают или не принимают утвердившийся порядок вещей: воюют или дезертируют, работают на земле или разбегаются. Однако традиционное население сплошь и рядом превратно, мифологическим образом трактует политическую и социальную реальность. Народные устремления часто повернуты в невозвратное прошлое. Традиционный русский крестьянин веками чаял народного царя, «черного передела» и общинной жизни без чиновников. Этими устремлениями задавался выбор десятков миллионов людей в ходе Гражданской войны. В результате народ получил жесточайшее государство и второе закрепощение. А «черный передел» обернулся изъятием всей земли в пользу государства.

История немилосердна к заблуждениям. Она наказывает самых искренних носителей иллюзий, если эти иллюзии неадаптивны. Трагедия состоит в том, что люди, принадлежащие традиционной культуре, в массе своей не располагают гносеологическим и общекультурным потенциалом для того, чтобы извлекать уроки, преподанные историей.

Подчеркнем, речь идет о массе. Объективные свидетельства — адекватные и другие формы устного народного творчества, частные высказывания, зафиксированные в документах НКВД — фиксируют примеры вполне адекватного восприятия советской действительности. Расшифровку аббревиатуры ВКП(б) как «второе крепостное право большевиков» приводит Солженицын. Наколка «Раб КПСС» встречалась среди татуировок заключенных (см: Татуировки заключенных из личного собрания Д. С. Балдаева. СПб., 2001). В начале 30-х годов восходит любимая автором частушка: «Слева молот, справа серп — / Это наш советский герб. / Хочешь жни, а хочешькуй — / Все равно получишь моральное удовлетворение». Однако эти идеи и настроения не являлись доминирующими. Рядом с ними жили вполне фантастические построения. И, как мы знаем, широкие народные массы отторгли капиталистическую перспективу и с помощью государства вырезали кулачество.

Народные массы действительно творят свою судьбу. Но если мы говорим о традиционном обществе, это не есть осознанный и осмысленный выбор. В итоге массы получают совсем не то, что хотели обрести. Традиционный человек мыслит мифологически и воспринимает мир в эсхатологических моделях, верит авторитетам, склонен

⁴ Подробно эта тема исследуется в работе автора «Выведение из бытия и замещение исторического субъекта».

⁵ Так, прогрессистская мифология утверждается в России никак не раньше последней трети XIX века. А статус общегосударственной идеологии обретает в советскую эпоху.

к фантастическим объяснительным моделям (типа «засилья инородцев» и «мирового заговора»). Обобщая, *традиционный человек неадекватен задаче рационального постижения окружающей его реальности*. За этого человека выбор совершает присущая ему традиционная культура, которая заряжена на бесконечное воспроизводство собственного универсума. Совершать сколько-нибудь осознанный выбор способна элита. Но и здесь возможности маневра не безграничны. Выбор элиты, вступающий в неразрешимый конфликт с актуальной культурой широких масс, заканчивается поражением. Иными словами, *заходящая в тупик культура объективно лишена возможностей самоизменения*⁶. Отдельные люди, социальные группы могут покинуть обреченную культуру: поверить в иных богов, сменить подданство, уехать. Культура же как целое обречена на историческое снятие, которое всегда носит драматический характер.

Выведение из бытия — самое явное и страшное проявление. Трансформация морали, социальная динамика, исчезновение одних сословий и утверждение на их месте других, разительные изменения культуры — все это неизбежно мучительно, предполлагает как выигравших, так и проигравших. Общество разделяется и заново объединяется, но уже на других основаниях. Отказ от себя вчерашнего сплошь и рядом оказывается условием выживания.

Сознательная борьба с изживаемыми традициями

Обратимся к другим аспектам исторической динамики — к *сознательной борьбе с изживаемыми традициями*. Мы имеем в виду борьбу с уходящими традициями/идеологиями через табуирование некоторых действий и уничтожение носителей этих практик.

Вообще говоря, табу — сложное и многоаспектное явление. Табу есть запрет, опирающийся на атрибут «священности» и абсолютной божественной императивности. Соблюдение табу охранялось репрессивными мерами (смертная казнь, конфискация имущества, разграбление). Бывали случаи, когда люди, имевшие несчастье нарушить табу, умирали скорострительно от одного страха перед неминуемой карой небесной. Как отмечают исследователи, наиболее типичные формы табу встречаются в обществах, в которых уже выделилось сословие жрецов, у обществ с теократическим строем⁷.

В силу некоторой логики эволюционного процесса (мы можем пытаться ее реконструировать, выдвигая те или иные объяснения, но не более того) на достаточно ранних этапах антропогенеза произошла табуация целого ряда практик. Были табуированы копрофагия, каннибализм. Речь идет о верхнем палеолите (35 000—10 000 до н. э.). В это же время формируются нормы экзогамии и табуируется инцест. С возникновением семьи репрессируется добрачная и внебрачная половая жизнь. Этот запрет особенно жестко предъясняется к женщинам.

Для нас все перечисленные выше табу самоочевидны и, может быть, за исключением запрета на добрачную и внебрачную половую жизнь, как бы естественны. Однако они не соответствуют устойчивым практикам животного мира. Каннибализм у животных является фактором естественного отбора и зафиксирован у множества видов. В том числе у млекопитающих, и в частности у приматов. Судя по всему, каннибализм был нормальной практикой у архантропов. Так, по утверждению специалистов, *Номо ergaster* был падальщиком. Копрофагия также биологически оправдана и фиксируется у многих млекопитающих. Она связана как с задачей приобретения и поддержания микрофлоры кишечника (слоны), так и с тем обстоятельством, что некоторые виды

⁶ И это — масштабная историческая трагедия.

⁷ «Табу» — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890—1907.

(грызуны) не могут с первого раза эффективно переварить растительную пищу. Поэтому они заново поедают полупереваренные растения. Человек отторгает эти практики.

С каннибализмом более или менее понятно. Каннибализм атомизирует человеческие сообщества. Он представляет собой очевидное препятствие к возникновению значительных объединений людей. На переходе к крупным социальным общностям (союзам племен, ранним государствам) людоедство табуируется. С копрофагией сложнее. Можно предположить, что освоение огня и переход к вареной/жареной пище снимает биологическую мотивацию поедания экскрементов. Наряду с этим есть искушение полагать, что за табу копрофагии стоит потребность в различении себя и остального животного мира.

Табу инцеста, судя по всему, также имеют биологический смысл, как бы эта табуация ни осмысливалась культурой. В отличие от животных, ведущих беспорядочную половую жизнь, люди создают устойчивые семьи. В такой ситуации практика близкородственного скрещивания ведет к значительному возрастанию вероятности рождения ребенка с серьезным генетическим (врожденным) дефектом или умственной отсталостью. В генетике данный процесс называют выщеплением рецессивных гомозигот⁸. Нормы экзогамии и табу инцеста утверждаются в доисторическую эпоху.

В архаических и традиционных культурах базовые табу подкрепляются целым рядом дополнительных запретов. «Генезис этих запрещений кроется в суевном стремлении первобытного человека оградить всякое разумное с его точки зрения религиозное правило или запрет целым рядом параллельных запретов в областях совершенно индифферентных, руководствуясь либо простой аналогией с основным запретом, либо желанием оградить основной запрет от самой отдаленной возможности нарушения»⁹. Так в Талмуде закон о святости субботы подкрепляется запретом прикасаться к светильнику, носить платок в кармане и т. д. Таким образом, жизнь традиционного человека сопровождалась массой запретов, нарушение которых рождало психологические и социальные проблемы.

То, что мы воспринимаем как вечное и исконное, однажды было новым и скандально неслыханным. Архаический человек был намертво привязан ко всему, что традиционно и завещано ушедшими поколениями. Эта культурная диспозиция диктовалась спецификой ранних этапов истории человечества. Качественный скачок требовал закреплять намертво обретенные характеристики. И психика, и культура были ориентированы на чистое воспроизводство. Только табуация, опирающаяся на самые жестокие санкции, была способна поломать и обеспечить постепенное изживание отторгаемых практик. При всех обстоятельствах табуация стрессует и угнетает человека. Особенно остро этот груз сказывался в фазе исторического изживания. Всегда есть люди, не склонные исполнять табу. Священный ужас возмездия, связанного с нарушением табу, — фон жизни архаического и традиционного человека. Созерцание казни нечестивцев-нарушителей табу и участие в этих действиях — тягостная норма такой жизни.

Отметим, что ни одно из перечисленных нами табу не утвердилось окончательно. Копрофагия и каннибализм осмысливаются сегодня как психическая патология. Во время массового голода практика каннибализма (как поедание умерших, так и связанная с убийством жертвы) фиксируется как устойчивое явление¹⁰. В маргинальной и алкоголизированной среде инцест — достаточно распространенная практика.

⁸ В последнее время среди специалистов высказываются суждения относительно биологической несостоятельности этого утверждения..

⁹ «Табу» — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890—1907.

¹⁰ Смотри материалы по голоду в Поволжье 1922, голодомору 1932—1933 годов, ситуации в осажденном Ленинграде.

Вообще говоря, в культуре всегда живет запрос на нарушение табу. Всякая культурная норма существует только на фоне отклонений и нарушений. Игра с запретным — одна из неустранимых и потому вечных культурно-психологических потребностей человека. В российском Интернете наблюдатель может заметить впечатляющий массив порнороликов отечественного производства на темы инцеста. Любые мыслимые варианты запретных сочетаний (отец-дочь, сын-мать, брат-сестра, дед-внучка и т. д.) разыгрываются и постоянно выкладываются на отечественных порносайтах. Нашему потребителю этой продукции нужна не просто «крутая порнуха», а нарушение сакральных норм. В англоязычном секторе Интернета подобных сюжетов заметно меньше.

Выше мы говорили о табу, истоки которых восходят к доисторической эпохе. Становление государственности принесло новые проблемы. Со временем крепнувшее государство последовательно наступает на вековечные, традиционные нормы жизни. Утверждая монополию на легитимное насилие, государство запрещает кровную месть, запрещает практику самосуда, борется с традицией частной войны. Вводит монополию на внешнюю торговлю, отменяет патриархальное рабство и т. д. В результате массовый носитель традиции попадает в ситуацию жесточайшего конфликта: нормы актуальной культуры императивно требуют от него одного поведения, а нормы и предписания власти — противоположного. Патриархальная культура требует от мужчины совершить акт мести по отношению к роду убийцы кровного родственника. Отец, узнавший о том, что его дочь потеряла стыд и обесчещена, только убив ее, смоет с семьи пятно позора. Подобные вещи и сегодня происходят на арабском Востоке, в Турции. Это так называемые «убийства чести» или «убийства за честь семьи»¹¹. А государство запрещает и жестоко карает за нарушение запрета. К примеру, в России (статья 105 УК РФ) кровная месть карается лишением свободы от восьми лет до пожизненного заключения. Иными словами, история ставит носителя периферийных, изживаемых моделей традиционного сознания в безвыходное положение. Трагедия многих поколений этих людей оказывается ценой утверждения новых ценностей и представлений.

То же самое можно сказать о процессах изживания паразитарных, варварских стратегий бытия, сформировавшихся в ходе истории. Мы имеем в виду набеги, ограбления, воровство как основу экономики, «береговое право», романтизированное массовой культурой пиратство и т. д. Медленное и мучительное изживание этих социальных групп, племен, культур; уничтожение присущего им мироощущения, этоса, картины мира и психологического типа — полноценная историческая трагедия, растянувшаяся на тысячелетия. Трагедия для всех субъектов обозначенной нами исторической драмы. И для тех, кто с точки зрения государства и цивилизации является варваром и преступником, и для их жертв, и для сил, уничтожающих догосударственную стихию.

Если мы обратимся к истории завоеваний Александра Македонского, то обнаружим следующую картину: Александр последовательно уничтожал горные племена, традиционно промышляющие грабежом сельскохозяйственных низин и взимавшие плату за проход через их земли: горных уксиев, пизидийцев, фракийских горных бессов, по свидетельству источников «пользовавшихся славой разбойников даже среди разбойников» и др. Если персидская империя терпела этот реликт догосударственного бытия на своих окраинах, то Александр руководствовался европейским стандартом и вырезал активных носителей варварского сознания. Иными словами,

¹¹ По оценкам Фонда народонаселения ООН, в исламском мире ежегодно совершается до 5000 «убийств чести» (NEWSru.co.il // Ближний Восток // Понедельник, 23 июля 2007 г.).

движение государства по пути стадийного развития оборачивается последовательным разрушением анклавов варварства и насильственным вписанием выживших варваров в государство.

Рассмотрим один частный сюжет — конокрадство. Древнегерманское право карало конокрада побитием камнями. Раннее русское право устанавливало «поток и разграбление» (высшая мера наказания, включавшая обращение в холопство и конфискацию имущества). Судебное уложение 1649 года устанавливает за кражу лошади на службе отсечение руки. В русской деревне конокрада ждал самосуд. Крестьяне забивали конокрада до смерти. Немцы-колонисты рубили руки.

Когда мы пытаемся осмыслить данное явление, надо понимать, что конокрад возникал не на голом месте. Конокрадом мог стать русский, татарин или цыган. Дело не в национальности. Среда, породившая конокрада, актуальная для него культура трактовала кражу лошади как лихое, геройское предприятие, достойное настоящего мужчины. Коня воровали деды и прадеды конокрада. Окружавшие его девушки знали, что удачливый конокрад — фартовый парень и завидный жених. Размыть эту культуру, маргинализовать ее и в перспективе уничтожить могли только жесточайшие санкции.

В современную эпоху, когда государство одержало победу и торжествует на большей части земного шара, все сравнительно не так плохо, поскольку наказывают по преимуществу виновных в конкретных деяниях. А на заре противостояния варварства и цивилизации, когда битва шла не на жизнь, а на смерть, государство попросту вырезало варварские племена. В качестве оправдания государства надо заметить, что варвары были нападающей стороной. Они грабили, разрушали города и селения, продавали людей в рабство. А в эпоху кризиса государства разрушали его практически начисто. Исходно это была борьба на взаимное уничтожение. Хроники ассирийских или вавилонских правителей хранят колоритные описания подвигов на ниве борьбы с военной демократией: вырезали, сожгли, распяли. Других способов унять беспокойных соседей в ту историческую эпоху не существовало. В свою очередь, варвары буквально охотились на людей государства, поставляли их на невольничьи рынки. «История лангобардов» Павла Дьякона повествует об остготах, топорами отрубавших руки крестьян в Паннонии, или о славянах, распинавших земледельцев и ремесленников на крестах вниз головой. Варвары разрушали города, вырубали виноградники и плодовые деревья и т. д.

Отступающая и обороняющаяся цивилизация маневрировала. Рим и Византийская империя подкупали варварских вождей, платили им дань, натравливали одни варварские племена на других. Но главным в этой борьбе был страшно медленный, постепенный процесс ассимиляции варвара в государство. Привыкая к могущественному соседу, варвары втягивались в жизнь на окраине государства. Нанимались на службу и постепенно, незаметно для себя становились людьми государства.

Огромную роль в процессах ассимиляции архаического человеческого материала в цивилизацию сыграл институт рабовладения. Здесь мы касаемся интереснейшей и слабо проясненной проблемы труда. Осмысливая природу неолитической революции, специалисты говорят о процессе *порабощения трудом*. Догосударственный человек, не вписанный в интенсивное производящее хозяйство, исходно минимизирует потребление и работает ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения минимальных потребностей. Все остальное время он отдает общению, отдыху, наркотическим практикам, псевдотрудовой деятельности типа любительской рыбалки. Переход человечества к следующей стадии исторического развития потребовал *другого антропологического типа*. На смену человека, ориентированного на отдых, пришел трудоголик. Там, где процесс замещения исходного типологии новой прошел полностью, возник-

ли зрелые и успешные цивилизации. На периферии этих регионов (или в лакунах), сохранилась в разных пропорциях как ориентация на минимизирование трудовых усилий, так и ориентация на паразитарные стратегии.

Однажды логика эволюционного преобразования сформировала тип трудоголика, который оказался адаптивен и перспективен стратегически. С этого момента статистически доминирующая часть человечества (представленная человеком, минимизирующим усилия) поступила в жернова истории. Предшествующая модальность человека вытесняется и маргинализуется. Процесс этот растянулся на тысячелетия.

Заметим, что субъект, ориентированный на минимизацию усилий, никогда не исчезает полностью. «Бывшие люди», бродяги, нищие, хиппи, самые разнообразные дауншифтеры; все те, кто вычеркнул себя из общих норм зрелой социальности и переместился на обочину жизни, реализуют альтернативный сценарий бытия, во многом восходящий к палеолитической реальности (охоты и собирательства). Эти люди свободны как от порабощения трудом, так и от ответственности за полноценную жизнь в государстве и цивилизации. Причем при первой возможности (мы имеем в виду социализм, государство всеобщего благоденствия, «welfare state») человек, ориентированный на минимизацию усилий и устойчивое потребление, возрождается и за пару поколений заполняет социальное пространство зрелых современных обществ.

Вернемся к рабовладению. Цивилизация и государственность тысячелетия существовали бок о бок с догосударственной окраиной. История сосуществования этих стратегий исторического бытия исключительно драматична. Сплошь и рядом догосударственный человек вписывался в цивилизацию через институт рабства, который представляет собой один из самых репрессивных социальных порядков, созданных человеком. Эти процессы разворачивались на огромных пространствах в течение тысячелетий. Другими механизмами инкорпорирования догосударственного человека в государство история в ту пору не располагала¹². Насильственное подавление исходных характеристик, навязывание новых норм и правил, утверждение новых практик достигалось жесточайшей репрессией, которая буквально ставила человека на грань выживания.

Рабовладение — один из важнейших элементов раннего государства, возникший в недрах предшествующей эпохи. Постоянно и остро нуждавшееся в самых разнообразных ресурсах государство взяло эту социальную технологию, развило ее, выстроило на основе рабовладения сложнейшую хозяйственную систему. В этой ситуации рабам была противопоставлена не семья патриархального хозяина и традиционная культура, требовавшая от раба повиновения, а мощь аппарата принуждения целого государства. Раб был вписан в такую систему хозяйственных отношений и деятельности, которая напрочь порывала с исходной архаической культурой и требовала от него невозможного. Требовала выхода за пределы своей собственной природы. Здесь результат мог быть достигнут только через тотальное насилие.

Тот, кто был не в состоянии жить в каторжных условиях, вымирал в самом буквальном смысле. Источники свидетельствуют о высоком уровне смертности государственных рабов. Остальные мутировали антропологически, психологически, культурно. Так в чреде поколений, усилиями людей государства, из наличного позднелитического материала творился человек исторической эпохи. Подчеркнем, из позднелитического человеческого материала, ибо палеолитический человек физически не способен к такой эволюции. Ни американские индейцы, ни аборигены Австралии, ни эвенки и другие народы палеолита не порабощались, поскольку оказывались не способны

¹² А когда такие механизмы появились, институт рабства себя изжил. Этому способствовало и то обстоятельство, что догосударственная окраина к тому времени разложилась и радикально уменьшилась в объеме.

к каторжной работе и быстро умирали¹³. Рабов везли из Африки или Азии, черпая их из племен переживающих эпоху раннего государства.

Через пять-шесть поколений устойчивого и ответственного раба, плотно вписанного в мир классового общества и систему производящего хозяйства, можно посадить на пекулий. Так запускался процесс превращения вчерашних рабов в частично зависимых (крепостных). Соответственно этому формируются более мягкие социально-экономические схемы, характеризующиеся снижением уровня репрессии, повышением уровня самостоятельности и снижением нормы отчуждения. Формируется частично зависимый работник. Но это возможно только на базе качественных изменений, соответствующих масштабу стадийного перехода.

На наш взгляд, описанное выше — мы имеем в виду и борьбу с варварами, и рабовладение — не что иное, как трагедия. Благостно написанные учебники истории скрывают одно обстоятельство: *если некоторая культура лежит на пути исторического процесса, история ее уничтожает*. А уничтожить культуру можно одним способом: выбив добрую половину носителей и поставив их детей и внуков перед выбором — оставаться верными заветам предков и погибнуть или пойти по пути изменений и выжить.

История человечества идет через разрушение одних целостностей и утверждение, вызревание и пространственное расширение других целостностей. Эти процессы невозможны без взаимного перемешивания. Всякий раз история захватывает массы живых людей и бросает их в чуждую среду. Есть трагедия варвара, мир которого уничтожается. Мы позиционируем себя по другую сторону этой баррикады и не склонны фиксироваться на данной трагедии, но она есть и терзает позднего варвара, попавшего в чуждый и бесконечно противный мир цивилизации. В равной степени есть трагедия человека зрелой цивилизации, попавшего в варваризованную среду, которая обрекает на одиночество, задает чуждые нормы и модели поведения.

Трагедия в том, что эти сущности непреодолимы; от них нельзя убежать. Варварские попытки разрушить цивилизацию и вернуть мир к вождельной норме в конечном счете кончаются поражением. Судьба человека цивилизации, выброшенного в варварский мир, также трагична. Поскольку люди цивилизации принадлежат письменной культуре, они оставляли свидетельства своих страданий. Так, сосланный императором Августом в Малую Скифию (современный город Констанца в Румынии) поэт Овидий создает пронзительные «Скорбные элегии» и «Письма с Понта». Похожая история происходила с Макиавелли, который, попав в опалу, удалился из города-государства Флоренции в глушь, утратил привычный круг общения и попал в среду, которая позволила ему описать свою жизнь следующим образом: «Пообедав, я возвращаюсь в остерию. Там в это время бывает ее хозяин, с ним обыкновенно мясник, мельник и два трубочиста. В их обществе я застреваю до конца дня, играю в крику и трик-трак. Мы воюем из-за каждого кватрино и крики наши слышны в Сан-Кашино. Так, спутавшись с этими гнидами, я спасаю свой мозг от плесени и даю волю злой моей судьбине: путь она истопчет меня как следует, и я погляжу, не сделается ли ей стыдно»¹⁴.

Следующий исследовательский сюжет связан с *идеологически мотивированным подавлением и уничтожением противников*. А также с *диффамацией и подавлением побежденных и статусно второсортных, которых терпят, постоянно указывая на их место*.

Идеологическая мотивация появляется вместе с монотеизмом. Политеистическое сознание толерантно. Язычник исходит из того, что у «нас» есть наши боги. Что же

¹³ Если иметь в виду американский континент, надо учитывать и то обстоятельство, что индейцы, лишённые иммунитета к европейским инфекционным заболеваниям, массово вымирали. В то время как африканские рабы как жители евразийско-африканского континентального целого обладали необходимым иммунитетом.

¹⁴ Дживилегов. Никколо Макиавелли // Никколо Макиавелли. Сочинения. Том I. ACADEMIA, 1934. С. 43.

касается других людей, то им покровительствуют и ими управляют другие боги, которые к нам не имеют отношения. Греческие или римские авторы спокойно описывают верования и ритуалы других народов, устанавливают соответствия между теми или иными богами, дивятся редким обычаям. Разноплеменная толпа в больших городах, смешанные браки и жизнь бок о бок вели к тому, что до эпохи утверждения монотеизма каждый человек мог принимать те или иные верования. Это было его личным делом.

Победа монотеизма диктует совершенно иную картину мира. Если Бог один, то все иные боги суть бесы и демоны, противостоящие настоящему, то есть «нашему» Богу. В Библии политеизм номинируется язычеством, понимаемым как *измена* единому Богу. Само существование язычников, поклоняющихся своим ложным богам, есть вызов и оскорбление Творца. Однако еще большим оскорблением Бога является любая ересь как сознательное отклонение от догматов веры. Уровень ожесточения в среде христиан и мусульман (да, впрочем, и ортодоксальных иудеев) по отношению к еретикам существенно превосходит отчуждение и ненависть к язычникам.

Обратимся к истории христианства. Возникшее в I веке на территории Палестины как одно из мессианских движений внутри иудаизма, христианство формируется в напряженном конфликте с иудаизмом. После Первой иудейской войны (66–70) и разрушения Иерусалимского храма пути иудаизма и христианства окончательно разошлись. Центр христианской проповеди переносится в столицу империи — Рим.

Вышедшее за рамки еврейского народа христианство разворачивает напряженную и в высшей степени драматичную борьбу за души людей. В этой борьбе христианство противостоит многовековой культуре античного общества. Христианство рождается в эпоху идейного кризиса античного мирозерцания и притязает на кардинальную смену парадигматики всего общества. Напряженный прозелитизм раннехристианских проповедников сталкивается как с противостоянием миллионов носителей традиционного сознания, так и с языческим государством, инстинктивно сторонящимся любых идейных брожений и стремящимся сохранить базовые основания римского целого.

Параллельно молодые христианские общины переживают доктринальное ветвление. Разные учителя по-разному трактуют те или иные аспекты формирующейся доктрины. Причем каждое направление естественно притязает на обладание единственной сакральной истиной. Поскольку истину и жизнь человек может обрести только во Христе (Ин. 14:6), любая альтернатива автоматически обрекает человека на гибель. Так возникает еще один фронт борьбы на уничтожение. Идеологическая борьба внутри христианства, борьба за статус ортодоксии переживает эпоху противостояния язычникам и продолжается на всем протяжении истории христианства. Термин «секта», первоначально употреблявшийся для образования философских школ, с началом христианской эпохи становится обозначением религиозных общин, отколовшихся от господствующей церкви. Точно такую же эволюцию переживает понятие «ересь». Уже апостол Павел помещает «ереси» в один ряд с грехами волшебства и идолослужения (Гал. 5:20).

Религиозные практики и образ жизни христиан несли в себе вызов традиционным устоям. Христиане отказывались отмечать народные праздники, участвовать в мероприятиях императорского культа, публично критиковали древние обычаи. Эсхатологическая устремленность раннего христианства, отторжение античного образа жизни вели к тому, что римляне видели в христианах людей, проникнутых ненавистью к человеческому роду. Христиане отторгались как образованным античным обществом,

так и невежественной толпой. Их обвиняли в черной магии, а также приписывали христианам инцест и каннибализм.

Это — интересный момент. Традиционное сознание приписывает онтологическому противнику жестко табуированные практики. Пройдет не так много времени, и точно те же обвинения прозвучат из уст христиан в адрес язычников, евреев, сектантов, «поклоняющихся дьяволу». Традиционно-архаическое мышление стереотипно. Авторы, описывающие ритуалы ведьм, утверждают обязательный ритуал поцелуя Дьявола в анальное отверстие. Здесь необходим культурологический комментарий. Как известно, человек произошел от обезьяны. Обезьянам, так же как, например, собакам, присуще нозально-анальное приветствие. Попросту говоря, самец обнюхивает анальную зону самки и выясняет — есть ли у нее течка или нет. Вставший на ноги человек вначале отошел от этой практики, а затем жестко табуировал ее. В этой табуации он отделял себя от остального животного мира. Так же как и табу на поедание экскрементов, перед нами одна из самых древних табуаций. Соответственно, ведьмы *должны* совершать это отвратительное действие. При этом традиционный человек не задается вопросом: откуда у Дьявола анальное отверстие? Это же ангел бесплотный. Что и зачем он может выделять из своего тела. И почему эта зона должна омерзительно пахнуть? Можно представить себе дьявола тождественно человеку, «по образу и подобию». Но крылья *бесплотному существу* в принципе не нужны. Равно как и система пищеварения со всеми ее функциями и элементами.

Отношение государства задавалось тем, что культ правителя империи являлся частью государственной религии. Надо помнить: жрецы и понтифики в Риме были государственными чиновниками. Для христиан поклонение «гению императора» (отказ принести жертву перед статуей императора) было невозможным, что расценивалось как преступление.

Первое гонение на христиан произошло при Нероне. Начиная со времени правления императора Домициана (96) разворачивается эпоха более или менее систематических гонений. Время сравнительно мирного развития христианских общин сменялось периодами преследований христиан со стороны общеимперских или местных властей. Сплошь и рядом источником гонений становилась враждебность широких масс. Чернь видела в христианах причину любых несчастий и стихийных бедствий. Провинциальные правители часто сталкивались с разъяренной толпой, требовавшей без суда казнить христиан, и иногда уступали этим требованиям.

Самым суровым было так называемое «Великое гонение» (303—313), начавшееся при императоре Диоклетиане и продолжавшееся при его преемниках. Масштаб жертв Великого гонения, по сегодняшним меркам, скромный. Погибло 3000—3500 человек.

Эпоха гонений породила яркую христианскую публицистику. Возникает апологетика (раздел теологии, посвященный рациональной защите истинности вероучения). Раннехристианские писатели-апологеты II—III веков защищали христианство и писали сочинения, направленные против его гонителей. Цитата из Тертуллиана: «Если Тибр вошел в стены, если Нил не разлился по полям, если небо не дало дождя, если произошло землетрясение, если случился голод или эпидемия, то тотчас кричат: христиан ко льву. Столь многих к одному? Спрашиваю вас: прежде Тиберия, то есть прежде пришествия Христа, сколь великие бедствия обрушились на землю и города?»¹⁵ — дает представление о вершинах этого жанра.

Гонения и противостояние традиционалистской массы не могли остановить распада античного космоса. Христианская община неумолимо росла. Миланский эдикт

¹⁵ Тертуллиан. Апология. Гл. 8.

императоров Константина и Лициния от 313 года о веротерпимости на территориях Римской империи был важным шагом по пути превращения христианства в официальную религию империи.

Но после эдикта *начинается самое интересное*. Можно было бы подумать, что с установлением веротерпимости в империи кончается эра идеологического насилия и подавления инакомыслия. Однако не тут-то было. Церковь двигалась к победе, пронизывая элиту римского общества. К III—IV векам христианство освоило культуру античности в той мере, которая позволяла найти дорогу к сердцу и разуму интеллектуальной и политической элиты империи. *Стратегическая цель*, поставленная лидерами *христианской общины*, — *нерушимый союз с государством*. Христианская проповедь проникает на самые верхние этажи римского общества. Декларация веротерпимости рассматривалась как шаг на пути к окончательной победе, которая состояла в превращении христианства в официальную религию империи и искоренении язычества. Борьба на уничтожение с язычеством разворачивается практически сразу после Миланского эдикта.

Буквально сразу после эдикта начинаются шаги, направленные на ограничения и стеснения языческих культов. В этой битве участвуют лидеры христианской общины, их сторонники, сочувствующие, монахи. Чернь, всегда готовая принять участие в любом погроме и поживиться за счет несчастных, получает идейное обоснование бесчинства. Вчера еще правоверные носители античной идентичности сначала превращаются в людей второго сорта, а потом — в гонимых.

Хроника этих событий печальна и поучительна:

В 314 году Анкирский собор предаёт осуждению культ Артемиды.

324 год — император Константин объявляет христианство единственной официальной религией Римской империи. Разворачивается практика разрушения и ограбления языческих храмов. Христианские церкви строят на деньги, полученные в результате разграбления храмов языческих. Император Константин приказывает «казнить всех магов и прорицателей».

Император Констанций (правление: 337—361) разворачивает новые масштабные гонения язычников. Вводится смертная казнь за все виды «идолопоклонства» и жертвоприношений. Принимается новый эдикт, повелевающий закрыть все языческие святилища. Некоторые из них оскверняются. Проходят первые сожжения хранящих языческую мудрость библиотек в разных городах империи. Запрещаются все виды гаданий и астрология.

Руины языческих храмов используются как каменоломни. Рядом с закрытыми языческими храмами создают предприятия для изготовления извести. Разбитые статуи языческих богов систематически пережигают в известь¹⁶.

364 год — император Флавий Клавдий Иовиан правил недолго (363—364), но вошел в историю гонений на язычников. По его приказу сожжена Антиохийская библиотека. Борьба велась не только с язычниками, но и с иудеями, которых ограничивали в правах, преследовали и насильственно обращали в христианство. Вообще говоря, практика принудительного обращения в христианство становится всеобщей, а возвращение христианина к вере отцов с некоторого момента рассматривалось как уголовное преступление.

Разрушение языческих храмов, убийство жрецов, уничтожение памятников превращаются в рутинную примету эпохи. При императоре Валенте (370) *языческие книги сжигают на площадях*.

¹⁶ В 70-е годы прошлого века в глубинке Владимирской области бодрый старичок с комсомольским прошлым рассказывал автору о том, как в 30-е годы он «раздевал церкви», а другой респондент напомнил: иконами раздетых церквей топили районную электростанцию. Нет ничего нового под луною.

Борьба с язычниками идет полным ходом в V и VI веках. В VII веке она несколько затихает, но это связано с изживанием языческой традиции. Языческие практики, тайные жрецы, празднования календ и исполнение ритуалов прослеживаются вплоть до IX века. Но это уже разрозненные остатки целостной традиции, уничтоженной победителями.

Описанные нами события если и излагаются, то сбивчиво и скороговоркой. Христианские авторы склонны утверждать, что язычество скончалось, так сказать, «своей смертью». Это не так, языческое сознание, безусловно, переживало кризис и в широкой исторической перспективе было обречено. Но христианство сделало все для того, чтобы ускорить этот процесс и уничтожить язычество¹⁷.

Параллельно с фронтом противостояния язычеству открылся второй фронт — доктринальной борьбы внутри христианской общины. Прежде всего, шла борьба за параметры учения. Складывалась ортодоксальная доктрина, в ходе этой борьбы одни объявляли свою трактовку подлинно христианской, обвиняя сторонников всех иных трактовок учения в ереси. Это напряженная, захватывающая драма, развернувшаяся на трех континентах (поскольку Римская империя владела землями в Европе, Азии и Африке), растянувшаяся на два века. В интересующем нас отношении примечательны формы и методы борьбы, идейно-психологическая атмосфера и, наконец, положение «маленького человека», оказавшегося в жерновах большой исторической схватки, в которой определяются идейные и политические параметры крупного учения.

Описанная борьба порождала крайнее возбуждение и ожесточение. Насилие, клевета, обвинение во всех смертных грехах. И наконец, война до победы либо война на уничтожение. Вот как описывает ситуацию, сложившуюся в империи к V веку, специалист: «Епископы требовали абсолютной лояльности от своих клириков и последователей... Монахи играли особую роль частной армии и священных боевиков, которые по приказу харизматического епископа могли громить языческие храмы, избивать и убивать оппонентов и запугивать соперничающих богословов... Миряне также принимали участие в этих битвах — в виде толпы или организованных бандитских групп»¹⁸.

Чтобы понять причины всеобщего ожесточения, надо помнить о том, что христиане первых веков жили в ожидании скорого Пришествия и конца «этого мира», погрязшего в грехах. Борьба на уничтожение «еретиков» шла до победы либо до раздела страны. По мнению специалистов, успехи ислама в Египте и Азии напрямую связаны с борьбой между холкидонцами и монофизитами (две основные доктрины в христологических спорах).

Параллельно били конкурентов и еретиков, откровенно позиционирующихся за рамками христианства, таких, как гностики и манихеи. Заодно били евреев, которые воспринимались как особо злостная ересь. Так св. Кирилл Александрийский (376—444) «возглавил бесчисленную толпу, которая грабила синагоги и выгоняла из домов иудеев, чьи предки поселились в городе еще семь столетий назад»¹⁹. Мы зафиксировали значимый аспект ранней истории христианства, менее всего известный широкой аудитории. Дальнейшие события подробно описаны и вошли в актив исторического сознания.

А далее разворачивались всем известные процессы: бесконечные войны христиан и мусульман (с 630-х годов до конца XIX века), крестовые походы на Восток, крова-

¹⁷ Подробнее история насильственного уничтожения язычества излагается в ряде публикаций. Например, см.: Власис Рассаиас (Vlasis Rassias) «Сокрушите их» — Афины, 2000: <http://www.proshkolu.ru/user/antic/blog/260842/>

¹⁸ Филипп Дженкинс. Войны за Иисуса. М., 2012. С. 72—74.

¹⁹ Там же. С. 165.

вое подавление средневековых ересей: павликиан, богомилов, катаров, вальденсов, доллардов. Крестовые походы против еретиков, инквизиция. Войны Контрреформации, европейские революции и революционная борьба с церковью. Перманентный антисемитизм от эпохи крестовых походов до середины XX века: еврейские гетто, погромы, ущемление евреев в правах, знаковые судебные процессы: «дело Бейлиса» в России и «дело Дрейфуса» во Франции, геноцид армян, голодомор, холокост и т. д. Данный список можно продолжать и детализировать бесконечно. Все эти эпизоды всемирной истории оборачивались болью и страданиями миллионов людей.

Один из прекрасных памятников романского зодчества — аббатство Клюни — погиб в ходе Великой французской революции. Закрытое в 1790 году, аббатство в 1793 году сожжено и разграблено окрестными крестьянами. В 1798-м остатки аббатства были проданы и несколько десятилетий использовались как каменоломня. Наше глубочайшее убеждение состоит в том, что самые разнообразные гонения, которые пережил христианский мир с эпохи Реформации, вплоть до настоящего дня являются формой исторической ответственности за союз церкви и государства, восходящий к эпохе утверждения христианства.

Вообще говоря, символические события в истории случаются чаще, чем нам это кажется. Когда говорят о семье императора-мученика, загубленной безбожными большевиками, почему-то забывают о «воренке». Претендент на русский престол, сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II, вошедший в историю под именем «Иван Воренок», повешен около Серпуховских ворот в июле 1614 года. Так разрешалась династическая коллизия и снималась проблема легитимности взошедшей на престол династии Романовых. Было найдено достаточно радикальное решение. Муж Марины Мнишек, атаман Иван Заруцкий, посажен на кол, сын — Иван Дмитриевич — повешен. Сидевшая в тюрьме, однако венчанная и коронованная русская царица Марина Мнишек не могла быть повешена прилюдно. Ее утопили и объявили, что *«умерла с тоски по своей воле»*. Вернемся к «воренку». Тяжелобольного трехлетнего ребенка палачи на руках несли к виселице. Династия Романовых как начинается, так и завершается убитым мальчиком.

Суммируя. История христианства трагична с момента возникновения и до сего дня. И это не особенность христианства. Ровно то же мы можем сказать об иудаизме, исламе, буддизме и других мировых религиях. Террористы-шииты взрывают бомбы в суннитских храмах. А террористы-сунниты ничем не уступают шиитам. Мусульмане в Турции, Египте или Пакистане при случае бьют и вырезают местных христиан. Индусы в Западной Бенгалии периодически нападают на мусульман, и наоборот. Мусульмане Китая периодически восставали; в настоящее время правительство страны реализует последовательную политику растворения мусульман-уйгуров в массе китайцев. Религии объединяют «своих» и одновременно дистанцируются от «чужих». Борьба с «чужими» — общебиологическая универсалия борьбы за территорию и ресурсы. Такова неустранимая диалектика человеческого бытия.

Надо сказать, что самые серьезные гонения не выступают предпосылкой того, что, придя к власти, гонимые будут реализовывать политику терпимости. Обратимся к сравнительно близкому хронологически материалу. Речь Посполитая была ликвидирована в 1795 году с разделом страны между Россией, Пруссией и Австрией, на фоне поражения восстания Тадеуша Костюшко. Далее 124 года разделенная Польша существовала в рамках поглотивших ее государств.

В рамках российского фрагмента Речи Посполитой последовательно проводилась политика русификации. На некоторых этапах она смягчалась, на других — после восстаний — ужесточалась. Закрывался Варшавский университет, усиливалась цензура,

запрещались книги Адама Мицкевича и других авторов. После подавления Январского восстания 1863—1864 годов реализовывалась жесткая политика интенсивной русификации, символом которой стал губернатор Северо-Западного края М. Н. Муравьев-Виленский, прозванный народническими и либеральными кругами «Муравьев-вешатель». Использование польского языка запрещалось в школе, деловой переписке, общественных местах, запрещались церковные книги на польском языке, поляки вытеснялись из государственных учреждений. Одновременно поощрялось распространение православия. Была ликвидирована Греко-католическая церковь, униатов принуждали к переходу в православие и т. д.

И это были годы нескончаемого противостояния. Поляки создавали тайные общества, подпольные школы, эмигрировали во Францию и Италию, противостояли онемечиванию и обрусению, писали исторические исследования, излагавшие события в соответствии с национальной идеологией, учили своих детей истории и культуре родной страны, разучивали и тайно исполняли национальный гимн Польши «Мазурку Домбровского». При первой возможности включались в движения, направленные на воссоздание государства. Упомянутый нами Домбровский командовал Польским легионом под началом Франции (1796—1807). Стратегическая цель этого предприятия — восстановление польской государственности. Наконец, на территории Российской империи поляки дважды восставали в 1830—1831 и 1861—1864 годах. Для ликвидации этих возмущений потребовалось использование значительных контингентов российской армии.

По итогам Первой мировой войны в 1918 году провозглашается независимое польское государство. На международном уровне воссоздание польского государства было оформлено Парижской мирной конференцией 1919 года. И окончательно оформлено Версальским договором (июнь 1919 года).

Здесь неизбежно вспоминается пассаж из выступления В. Молотова на внеочередной сессии ВС СССР 31 октября 1939 года: «Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого *уродливого детища Версальского договора*, жившего за счет угнетения непольских национальностей».

Восстановленное польское государство было многонациональным. Собственно поляки составляли 68 % населения. Можно было бы предположить, что исторический опыт, пережитый польским народом, вдохновит его на толерантную национальную политику, но не тут-то было. Польское правительство последовательно реализовывало линию на ополячивание всех граждан непольской национальности. Так, на территориях с доминирующим украинским населением уничтожались православные и греко-католические церкви, монастыри и культурные центры. Преследовались учителя и священники, украинское население вынуждали записываться поляками и переходить в католичество.

Одновременно для закрепления «польскости» польское правительство инициировало раздачу земель и переселение военных поселенцев «осадников» из Центральной Польши на земли, населенные преимущественно украинским населением. Поселенцам выделялись имения и земли, предоставлялись кредиты, налоговые льготы и списания задолженностей, разрешалось иметь оружие и т. д.

Естественно, такая политика вызывала противостояние национально мыслящего актива украинского общества. В июле 1930 года структуры ОУН в Галиции инициировали широкую антипольскую акцию саботажа (в основном поджоги домов, складов

зерна и сельхозинвентаря). В ответ на это правительство страны провело акцию «пацификации» (умиротворения). Формы и масштаб этих акций были таковы, что члены британского парламента обратились к секретарю Лиги Наций с просьбой о проведении расследования. В 1932 году Лига Наций осудила действия польского правительства по отношению к украинскому населению.

Польша возникла на развалинах трех империй: Австро-Венгерской, Российской и Германской. Однако польская элита реализовывала вечную стратегию имперской силовой интеграции. До идеи национального государства элита межвоенной Польши не доросла.

Надо отдавать себе отчет в том, что ценности секуляризации, идеи неотъемлемых прав человека, представления о нормах толерантного отношения к конфессионально, расово, идеологически иному утверждаются буквально на наших глазах. В массе регионов мира эти нормы отменяются либо признаются номинативно. Иных гнобят, а в конфликтных ситуациях уничтожают при первой возможности. Такова реальность нашего бытия. И в этом — очередная грань драмы всемирно-исторического процесса.

Войны и всемирно-исторический процесс

Кровавые войны, революции, крестьянские и гражданские войны — один из важных механизмов, обеспечивающих разворачивание исторического процесса. В этих катаклизмах выбиваются широкие слои исторически обреченных. Снимается энергия протеста против течения истории (изменения мира в недолжном направлении), складываются предпосылки смирения с неизбежным.

Большая война — интегратор нового исторического качества. Выбиваются целые социальные категории (традиционное крестьянство, аристократия, рыцари), исчезает (резко маргинализуется) культурный космос, ими порожденный и их воспроизводивший. Складываются новые социальные связи, модели поведения и механизмы. Поднимаются новые социальные силы. В результате формируется качественно новый паттерн. Причем неперемное условие всего этого — страдания людей и душегубство.

Большая, в пределе, мировая война выступает механизмом исторического синтеза нового качества. Эта закономерность неоднократно подтверждалась историей. Тридцатилетняя война (1618—1648), войны, порожденные Великой французской революцией (1789—1813), Первая мировая (1914—1918), Вторая мировая война (1939—1945)²⁰.

В процессах революционных преобразований присутствует исключительной важности момент — экзистенциальный отрыв от старого, исконного привычного и безусловного. Мало *разрушить старое*. Если оно просто разрушено, его могут попытаться реставрировать. Такое происходит сплошь и рядом. Необходимо обеспечить *экзистенциальный отрыв* от изжитого и отторгаемого. Этот отрыв обеспечивается страданиями широких масс и горами трупов. Гибель широких масс не только вышибает вчерашних людей и подрывает механизмы воспроизводства их актуальной культуры. Она создает ситуацию ритуально переживаемого массового жертвоприношения. Только ужас этого жертвоприношения в состоянии обеспечить искомый экзистенциальный отрыв. Войны, террор, голодомор — эти события перелистывают страницу в книге истории. Делают устойчивую жизнь «до того» допотопной, позавчерашней, неактуальной, отчужденной по сложно формулируемому, но императивному основанию. В этом *теология ужасов и массовых страданий*.

²⁰ Подробнее см.: «Мировые войны и всемирно-исторический процесс».

Внутренний конфликт зрелого/позднего варвара

Если вывести за скобки идейных сторонников чистого палеолита, таких, как Пол Пот (разрушавший города и видевший идеал в жизни палеолитических племен, оставшихся в глубинке страны), то массовый варвар разрывается в амбивалентном переживании цивилизации. Она несет смерть варварскому миру, и за одно это ее надо уничтожить. Но в то же время цивилизация обладает массой вожеленных благ, которые желанны и необходимы. Это противоречие неразрешимо. Драма варвара выливается в совершение, казалось бы, иррациональных, немотивированных поступков (варварское своеволие). Для него характерны перманентное загаживание и разрушение среды зрелой цивилизации.

Варвар и архаик, попавший в среду зрелой цивилизации, непременно хаотизирует эту среду, загаживает в прямом и переносном смысле, отказывается воспроизводить тот уровень упорядоченности и эстетического оформления, который свойствен данной среде. «Слишком» упорядоченная предметная среда вызывает в душе варвара метафизический протест. Он должен оторвать штакетину от забора, написать на стене непотребное слово и помочиться в лифте. Нас возмущает такое поведение, но надо отдавать себе отчет в том, что за варварской хаотизацией стоит переживание окружающего тебя мира как холодного, чуждого и неподлинного. В детстве варвара, в его семье, в окружающем его мире все по-другому. Проще, естественней, понятней. По сути, мы сталкиваемся с инстинктом сироты, выброшенной в холодный чужой мир.

Варвар убежден в том, что множество моментов в поведении человека цивилизации противоречит человеческому естеству, делается из соображений престижа, желания отделиться от «простого человека», унижить его. Никто из «наших», то есть — нормальных людей, так себя не ведет. Вкусы и интересы человека цивилизации варвару чужды и непонятны. Он пребывает в убеждении, что на симфонические концерты или в музеи «они» ходят из престижных соображений: показать свои туалеты, зайти в буфет, познакомиться с нужными и интересными людьми, подтвердить свой статус и т. д.

Поскольку отдельного человека в традиционной культуре не существует и каждый живет под присмотром всех, носитель традиционного сознания не постигает, почему нельзя подслушивать чужие разговоры и читать чужие письма. В равной степени он активно отрицает идею святости чужой собственности, которая есть предметное воплощение выделенности отдельного человека из родового, семейного, общинного целого и т. д.

При всем этом мир зрелой цивилизации очевидным образом побеждает. Попытки дедов и прадедов сегодняшнего внутреннего варвара разрушить этот мир ни к чему не привели, а сам он переместился в пространство современного города. Жизнь в этом пространстве сложна, требует мобилизации внутренних сил, однако она куда более сытая, гарантированная и удобная. В ходе этого противоречивого существования традиционно-архаический человек осваивает новые реалии, культурные практики, обретает новые потребности. А его сын, родившийся в городе, сизмальства живет в мире гаджетов, Интернета, селфи и других невиданных и непонятных старшим радостей.

Мы не задумываемся над тем, что жизнь мигранта первого поколения сложна, внутренне противоречива и во многом безрадостна. Жизнь горожанина второго поколения несколько проще, но также не сахар. Устойчивый внутренний комфорт связан с принадлежностью традиции, насчитывающей века и поколения.

Можно рассмотреть и такое явление, как *активное противостояние процессам наступления государства на мир внутреннего варвара*. Сегодня эти процессы затихли, но

еще пятьдесят лет назад можно было наблюдать самоизоляцию предместий, рабочих поселков и сельской глубинки от культуры и реальности большого города. Традиционная община стремилась жить своим миром, настороженно относилась к людям со стороны, по возможности решала любые конфликты своими силами, без обращения к агентам власти. Слишком серьезное погружение в культуру большого общества не поощрялось. «Больно грамотный» — очевидно чужой человек. Пришедшее в каждый дом телевидение сломало механизмы самоизоляции маргинальной части общества от нормативного образа государства. К 70-м годам прошлого века энергия противостояния иссякла и растворилась в новом образе глубинки, внимающей центру.

Скачки как неустранимый момент истории

Вектор исторической эволюции предполагает периодически резкие, скачкообразные преобразования революционного характера. Есть неустранимое противоречие между императивом развития, а значит изменения, и структурой как фактором, обеспечивающим устойчивость и неизменность. Структура, всегда и при всех обстоятельствах, задает границы изменений. Жесткая — узкие границы, мягкая — более широкие, но структура всегда *ограничивает*. Противоречие между императивом изменений и структурными границами больших социокультурных феноменов разрешается историческими скачками.

Масштабные скачки происходят через большие войны, революции и гражданские войны, гибель цивилизаций (гибель Римской империи, падение Теночтитлана, падение Византии). Формирование и утверждение мировых религий и рождение некоторых цивилизаций также по историческим меркам происходит скачкообразно. Коммунизм, семьдесят лет притязавший на статус мировой религии, возник и воплотился в советский проект за десяток лет. Такого рода события затрагивают жизнь миллионов людей, рушат устойчивую картину мира, создают невиданную реальность, к которой приходится приспосабливаться ценой многих страданий.

Наконец, скачки разделяют общества на два противостоящих лагеря: людей нового мира и людей старого мира, проигравших и выигравших. Всегда и при всех обстоятельствах эти процессы глубоко драматичны.

Заметим: когда складывается *ситуация неразрешимого конфликта структуры и императива изменения*, история формирует общественное сознание субъектов исторического действия таким образом, что они сами рвутся в бойню, приветствуют разрушение обрыдлого мира и преисполняются убеждением, что «победа будет за нами». Эсхатологическая истерия плюс зачарованное движение к краю обрыва — если отрезать от трагизма ситуации, удивительное явление. В этом отношении показательны общественные настроения перед началом Первой мировой войны. Можно вспомнить и о том, что антисоветские слои советского общества ждали и приветствовали гибель СССР.

Достаточно часто итоги вожделенных преобразований лежат в диапазоне между разочаровывающими и ужасными. Однако они необратимы, и в этом — общеисторический смысл скачкообразных сломов и революционных преобразований. Цели и ожидания субъектов масштабного исторического действия революционного характера никогда не совпадают с более или менее ставшим результатом революционных преобразований (эстаблогический сценарий, видение будущего из прошлого, помещение себя в центр, иллюзия того, что именно мы, «народ», есть решающий субъект действия и будет так, как мы хотим, а не так, как это соответствует непреложными законам истории).

У реформаторов эта дистанция (между задуманным и итогами) уже. Многие, создавшие в 1952 году Европейское объединение угля и стали, дожили до Европейского экономического сообщества, и не демонстрируют разочарования, хотя среди сравнительно молодых людей масса критиков европейской бюрократии. А последние годы в некоторых европейских странах звучат голоса, призывающие к выходу из ЕЭС.

Драма истории в зеркале массового сознания

Осознание драмы исторического процесса начинается очень давно. Разумеется, осознание *происходит в мифологических моделях*; тем не менее это рефлексия всемирно-исторического процесса. Истоки такого осознания лежат на заре становления государственности и цивилизации. Отсюда идея золотого века, присутствующая в мифологиях многих народов мира, которая восходит ко временам неолитической революции и является *реакцией на введение земледелия* (Мирча Элиаде)²¹. В основании этого концепта лежит идея блаженного, райского состояния первобытного человечества, жившего в гармонии с природой. Существенно более поздние идеи «потерянного рая» и «благородного дикаря» вырастают из мифологии золотого века.

Если идея золотого века фиксирует начало процессов вхождения человечества в историю, то идея смены веков: золотой — серебряный — медный — железный века, сформулированная Гесиодом и Овидием, являет собой полноценную философию истории. Смена веков ведет к моральной деградации людей, жизнь на земле становится все хуже и хуже. Общий исторический пессимизм, вдохновлявшийся мифологизированными воспоминаниями о реальности палеолита, превращается в доминанту исторического мышления.

Страх истории как страх перед катастрофическими переменами преследовал традиционного человека веками. Источники перемен могут быть разными: завоевания, климатические катастрофы, вредные пришельцы, разрушающие дорогой и устойчивый мир. Важно, что эти перемены губительны и императивны.

Сегодня мало кто отдает себе отчет в том, что архаическая тенденция сакрализации правителя служила гарантией от «ярости» природных стихий. Сакральный правитель предстает перед богами и ограждает наш народ от космических катастроф.

Отметим, что миллионы людей переживают мировые религии как силу, которая остановит течение времени и утвердит наступление Вечности. То же можно сказать о религиозно переживаемых, великих тоталитарных идеологиях XX века. Фашизм и коммунизм объединяет перспектива отмены постылой и страшной истории и наступления прекрасной Вечности.

Можно зафиксировать противоположную тенденцию. Начнем с эпохи Возрождения. В XIV—XV веках в Европе складывается общеоптимистическое мироощущение. Однако эти идеи и настроения надо соотносить с масштабом бытования возрожденческого сознания. Подавляющая масса обывателей жила за рамками высокой культуры и несла жесткое бремя существования в обществе, выходящем из позднего средневековья.

Следующая волна исторического оптимизма падает на эпоху Просвещения, во многом переплетавшуюся с идеями Возрождения и питавшуюся ее соками. Просвеще-

²¹ Мирча Элиаде. Миф о вечном возвращении. Гл. 4. Ужас перед историей // М. Элиаде. Космос и история. М., 1987.

ние активно боролось с идеологией и институтами феодального общества. Исторический оптимизм, вера в силу разума, утверждение гражданского равенства и политических свобод, вера в преобразующие потенции научно-технического прогресса — все эти идеи лежали в русле глубоко позитивного понимания будущего человечества.

Однако реализация идей Просвещения для многих оказалась, как минимум, неоднозначной, что вызвало противоположную реакцию. Романтизм, идущий на смену эпохе Просвещения, по времени совпадает с промышленной революцией, то есть с эпохой напряженных перемен, и воплощает *негативную реакцию* на эти процессы. Отрицает культ разума и утверждает культ природы, культ чувств и естественного в человеке. Востребованным оказывается образ «благородного дикаря», вооруженного «народной мудростью» и не испорченного цивилизацией²². Просветительской идее прогресса и тенденции отбросить все «устаревшее и отжившее» романтизм противопоставляет интерес к фольклору, мифу, сказке, к простому человеку, возвращение к корням и к природе. Романтики утверждают ценность средневековья и, соответственно, феодальных отношений, от которых отрецировались возрожденцы, и т. д.

Следующая оптимистическая парадигма — идеология Прогресса. В самом общем смысле прогресс трактуется как направленное движение от низшего к высшему. Движение от дикости к вершинам цивилизованного состояния, основанного на высших научно-технических, политико-правовых и нравственно-эстетических достижениях.

Идеология Прогресса, складывавшаяся в XVIII и достигшая своего апогея в XIX веке, стала последней версией позитивно-оптимистической трактовки истории человечества. Первая, а затем Вторая мировые войны похоронили эту идеологию. Сегодня мы живем в реальности, которая позволяет комбинировать самые разные идеи и теоретические модели. Крах коммунистического эксперимента фиксирует угасание хилиастической эсхатологии. Тоталитарные режимы XX века, две мировые войны, ядерная угроза подорвали оптимизм двух предшествующих веков. Грядущее, которое становится все более непрогнозируемым, вызывает больше тревог, нежели надежд.

В последние десятилетия идеи технологической сингулярности, глобальной экологической катастрофы, деградации и гибели мира белого человека, очередной мировой войны оформляют современные версии страха истории.

Мы живем в той части мира, которая вот уже два поколения существует без страшных катастроф. Окружающая нас устойчивая реальность — это урбанизация, рост благосостояния, демографический спад, что смещает перспективу осознания природы истории. Возникает ощущение, что страшные эксцессы возможны где-то «там», в третьем мире. Описанная стабильность воспринимается нами как базовая характеристика бытия. Что далеко не очевидно.

Выскажем некоторые суждения общего характера.

Нельзя остановить развитие технологий. Нельзя остановить или изменить вектор развития науки. Человек не в силах воздействовать на демографические процессы. Эти и другие соображения указывают на более общее:

Человек не является целью исторического процесса. Человек — материал, средство разворачивания истории. Цель, если допустимо мыслить эти процессы в категориях целеполагания, лежит в пространстве, охватываемом гипотетическими религиозно-философскими построениями. Одно более или менее очевидно — человек не субъект истории. Он реализует некоторые программы и способствует разворачиванию предсуществующего эйдоса. При всех гигантских (буквально, здесь нет никакой авторской

²² В России эта тенденция нашла свое развернутое воплощение в интеллигентском сознании.

иронии) потенциях человека, во всемирно-исторической перспективе он задан и заменяем. Человек не «царь природы».

В конце XIX века на Украине и юге России возникла секта малеванцев. Одна из основ их учения состояла в том, что «Христос вывел нас из Египта труда». Сектанты переставали работать, готовить пищу, женщины не прибирались в домах. Люди сидели и молча выбирали друг у друга вшей. Малеванцы нутром чувствовали существо пресловутого «порабощения трудом», которое отделяет доисторического человека от человека зрелого неолита, и переживали его как тяжелое бремя, знак утраты палеолитической невинности.

За неолитом непосредственно начиналась история. История ввергает человека в закабаление трудом и помещает его в перманентно усложняющееся социокультурное пространство. Она требует от человека многообразных компетенций. Перманентно упраздняет и отменяет усвоенный образ жизни. Трансформирует реальность таким образом, что исходные и естественные устремления оказываются нереализуемыми. А новые устремления, предписанные эпохой, чужды природе этого человека и не реализуемы им в силу массы обстоятельств. Все это если не трагедия, то полноценная драма.

Мы не задумываемся над тем, каков общебиологический смысл смерти отдельных особей. Смертность всего живого — универсальная характеристика бытия. Однако фундаментальные характеристики живой природы не являются случайными. Смерть отдельных особей имеет свою телеологию. Эволюция вида, то есть таксона более высокого уровня, требует вымирания отдельных особей. Они должны родиться, вырасти, оставить потомство и в отпущенное природой время погибнуть от старости. Рекомбинация наследуемых признаков и неизбежные мутации в стратегическом плане обеспечивают дрейф вида, приспособление его к изменяющимся условиям внешней среды, а также развитие.

Эти же соображения справедливы для более широких исторических общностей: племен, государств, народов, локальных цивилизаций. Гибель одной сущности и рождение другой, которой предстоит занять ее место, можно описывать в позитивных и даже восторженных категориях. Однако, по нашему разумению, все эти процессы неустранимо драматичны.

Обобщая, история перманентно ставит человека в новые условия, предъявляет к нему новые требования, навязывает новые нормы и ценности и утверждает неприличные (неправедные, неслыханные, скандальные) модели поведения.

Мы живем в эпоху смены парадигмы общеисторического развития и гибели цивилизаций. А это означает, что настало время для непредвзятого размышления о природе исторического процесса.